

Я плыву на парохоме,
Потом поеду на поезде,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом вчером, потом пешком
Пройду по валуку с мешком –
И буду жить в своем народе!

Гениальным образом Николай Рубцов – угадал. Самая прозорливая строка его – не бесконечная повторяемая «Я умру в Крещенские морозы!», а вот эта – заключительная из бесхитростного «Экспромта»: «И буду жить в своем народе». Равнинная звезда Николая Рубцова светит не только над полями во мгле заледенелой, но и над зияющей пропастью между высокой культурой и той низменной пошлостью, которая обрушивается на нас из эфира в начале года. С каждым новым годом она – ширится.

Лжепопытка Валерия Меладзе устроить массовый бойкот «Голубых огоньков» в знак протеста против коронавирусного запрета давать концерты – канула в зимнюю сылку: доморощенные «звезды» просто массово ломанулись на экран. Меня поразило прежде всего, что все поют: балерун Цискаридзе, фигуристка Навка, хохмачи братья Пономаренки, телеведущий Малахов. Зачем?! Голоса противные, слов выпеть не могут, а когда доносят убогий текст – ещё тоскливее становится. Главный смысл: год крысы ушёл, год быка пришёл. Глубоко!

Ещё потрясает: ни одной новой песни, кроме этих жалких речетативов под безликую мелодию. Ну, и конечно, уровень юмора, если можно так выразиться. Вот куплеты Стоянова-Баскова – беззубые, бездарные, просто пошлые:

Долго техник не придёт –
Самозащита.
Ручейком течёт и бьёт
К нам канализация.

Эта канализация затопливает всё информационное пространство. А ведь мы помним, как ровно сорок лет назад литовская советская певица Гюнтаре Лукайте получила первую премию на конкурсе молодых артистов эстрады в Днепрпетровске и спела на заключительном концерте фестиваля «Песня-81» песню Александра Морозова на стихи Николая Рубцова «В горнице моей светло». В следующем году она эмигрировала в США, писала собственную музыку, но лучше так ничего и не спела... В это же время Вадим Кожин стал популяризировать композитора Александра Лобзова с его замечательным рубцовским циклом, песни из которого запели бас Николай Тюрин и русская красавица Таня Петрова, а потом Геннадий Заволокин поднял целый гармоничный пласт Рубцова и – распахнулось...

Ещё двадцать лет назад на канале «Московия», вскоре купленном и забытым командой олигарха Пугачёва (находится в розыске), в которую входила и нынешний министр культуры Ольга Любимова, в двух частях на Крещение вышла огромная программа-конкурс, в которой я поставил цель: доказать через экран, что Рубцов – ушёл в народ, что его знают и поют – миллионы! Согласовал с Александром Крутовым и записал обращение-объявление: приходите на программу-конкурс "Поём Рубцова". Мать честная! Задал я себе задачу – пошлти участники и претенденты валом, мы отби-

Александр
БОБРОВ

Жить в своём народе

К 85-летию со дня рождения Николая Рубцова

рали в нашей небольшой комнате "Московии", по телефону даже слушали и на кассетах. Были и молодые профессионалы и студентка Лесной академии из Мытищ, домохозяйка и бармен в жилетке. Я знал, что смогу всегда опереться и на исполнение членов жюри (два народных артиста Александра Стрельченко и Борис Химичев – ушли), и на испытанных участников программы «Русские струны» (вот какие названия были!), но многих увидел и услышал впервые – подлинная демократия ТВ! Получилось аж две программы по 30 минут – истинно народных, дышащих поэзией и гармонией. Выложил оцифрованную часть в сети – море тёплых откликов. Разве сегодня можно такое представить на экране?! – засилье постаревших и сдувшихся "звёзд", на которых уже без слёз не глянешь, отсутствие новых песен на вменяемые слова, мрак пошлых шуток ведущих. Я бы на таком телевидении – дня не проработал...

И вот парадокс: чем демонстративнее ТВ и шоу-бизнес игнорируют Рубцова, тем глубже и проникновеннее он уходит в народ. По сути, вся его песенная лирика, как у Есенина, положена на музыку, исполняется и в близком кругу, и на сценах народных праздников. Возникают студии и библиотеки его имени, открываются уголки и музеи. Например, 6 января в селе Никольском, в Бирюзовом доме рубцовской Николы, открылся музей «Журавли». Он создан подвижниками Андреем и Мариной Кошелевыми, к открытию выпущен красочный фотобуклет о духовной родине Рубцова, благодаря тому, что Мария Кошелева получила премию Союза писателей России – «Слово – 2020». В уютном музее – выставочный зал, библиотека, литературная гостиная, мемориальная комната Андрея Васильевича Кошелева, за палисадником – Рубцовский камень. Для иногородних гостей, которые, помимо музея «Журавли», смогут посетить мемориальный дом-музей Николая Рубцова, может быть забронирована гостевая комната. Кошелева в своей информации благодарила почётных гостей, журналистов, особая при-

знательность – «волонтерам-школьникам Вадиму и Инне за то, что они расчистили от снега дорогу к Рубцовскому камню». Народный музей подлинного народного поэта, который давно уже вошёл в сердца миллионов...

Рубцов – по данным Книжной палаты, самый издаваемый поэт России. Раскупаются все книги о нём, а ведь не раз переизданная книга Николая Коняева в ЖЗЛ стоит всё дороже. Но твердят, что поэзия – никому не нужна. Смотри какая – тот же Николай Коняев написал: «В чем удивительный успех поэзии Рубцова? В том, что он обращается к душе

этим – оторопь перед загадкой Рубцова и признание своего бессилия как литературоведа. Вроде, по мнению новиковых, это не поэзия, не пириество изысков и метафор – безыскусные слова и внятные смыслы, а заворачивает миллионы самых разных читателей, поёты и читается по всей Руси великой. Вот ведь Бродского они навязывают, как картошку при Екатерине, по Первому 24 мая, помню, обанкротившийся Эрнст аж три программы встык запудил, а ни строфы никто никогда вслух не прочтает, кроме обманной: «На Васильевский остров я вернусь умирать».

Потом Быков малость смилостивился: «Николай Рубцов представляется мне хотя и сильно преувеличенным, но всё же чрезвычайно значительным поэтом. У него есть настоящие шедевры, такие, как "Тихая моя Родина" или, например, песня, которую сделал из него (?! – А.Б.) Дулов,

читателя. Его стихи западают прямо в душу. И хотя в них не так много церковной атрибутики, но, тем не менее, его поэзия по духу своему глубоко православна. Она настолько православна, что более православного поэта и не было в нашей стране». А что сегодня с душой и православием? Крах, конечно, несмотря на бесперывное строительство храмов «в шаговой доступности». Причём архитектурные шедевры, даже в дальнем Подмоскovie с особняками-дворцами по соседству, – гибнут. Легче и выгоднее – новоделы возводить...

Дмитрий Быков на радио «Эхо Москвы» сказал, разделяя убежденность любезного сердцу либерального критика и, увы, наставника молодых в Литинституте: «В своё время была такая формулировка Владимира Новикова про Николая Рубцова: «Поэзия Николая Рубцова – это максимум того, чего может достичь не поэзия»... Я согласен». Поклонники Рубцова могут резко вскинуться: мол, как так – непознания? А я усмехаюсь и вижу за

"Размытый путь", где "матросы во мгле сурово потарапливали нас..." ...Величие и жалкость гениально одарённого провинциала, который всё время попадает в смешные коллизии или трагические, но непозитские, принципиально антипоэтические, это ужасно». Сам вальняжный Быков – упакован, состоятелен, испытал одну коллизию: чем-то отравился в самолёте раньше Навального – так все на ушах стояли. Какой там провинциальный Рубцов! Но кто будет повторять и напевать для себя, не за бабки! – его строки? В России всегда побеждает правда, та внутренняя правда, о которой писал Аполлон Григорьев: «В сердце у человека лежат простые вечные истины, и по преимуществу ясны они истинно гениальной натуре... Истинный художник свято дорожит правдой, и оттого мы в него веруем, и оттого в прозрачном его произведении сквозит очевидно созерцаемый им идеал. Предметы видимого мира отразились сперва в душе самого

художника – и оттуда уже вышли живыми, самостоятельными созданиями».

Такие отражения души, столь тонкие материи, да ещё какие-то сквозящие идеалы ни Быкову, ни Новикову – недоступны по определению. Загадке этой растущей всенародной любви будет посвящена и 5-я международная конференция, которую проводит 28-29 января кафедра социальных коммуникаций и медиа Гуманитарного института Череповецкого государственного университета совместно с литературным музеем Н.М. Рубцова при поддержке кафедры Славистики имени Петра Карамана Яского государственного университета (Румыния), библиотеки имени Николая Рубцова (Санкт-Петербург).

Ну, это интерес, так сказать, академический и писательский, а вот – собирательский, бытовой. Один из пользователей соцсети заглянул, какие лоты, связанные с Николаем Рубцовым, выставлены к юбилею в аукционных домах. Десятки автографов (это большая редкость для поэта-ски-талца, которому и рукописи негде было хранить) близким друзьям и товарищам-поэтам да прижизненные издания. Однако встретились и такие дикие вещи, как квиточек из вологодского вытрезвителя. Счастливым обладателем сей реликвии заплатил 45 000 рублей (прописью: сорок пять тысяч) за обладание казенной бумагой на 5 руб. 30 коп. В 1967 году это было немало – двое суток по командировочным расходам или две бутылки водки... Сегодня вытрезвители – возвращают, но нет ныне, увы, поэта, чьё задокументированное и оплаченное пребывание вызовет такой интерес потомков.

Валентин Курбатов в «Литературной газете», в статье с печальным названием «Угасшая звезда полей» утверждает: «Теперь, я думаю, не будет слишком поспешным сказать, что Рубцов – подлинно последний поэт деревни». Но ровно это же самое, цитируя Есенина, писал и Сергей Вилков в предисловии к сборнику «Последний паром» («Современник» 1973 год). Я уже тогда внутренне не согласился с московским воложанином. Почти полвека прошло, а прочтение и почитание в народе – ширится, значит, не последний ушедший деревни, а – первый чего-то совершенно иного, вечно наступающего и спасающего русскую душу. Потому и песни продолжают лететь по продаваемым равнине, даже если какой-нибудь Эрнст – ни в городе Иван, ни в селе Селифан – их не ставит в эфир. Это проблемы его и государства...

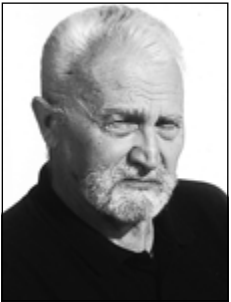
Вновь грядёт за вехой веха
В череде январских дней.
Нету с нами чловека,
А стихи его – слышны,
Потому что – настоящая,
Потому что, кроме книг,
Воздух Родины звенящий,
Бездны, звёздами кипящей, –
Самый лучший проводник.

На снимке: сотрудники музея Николая Рубцова.

А генералов защитим...

Михаил ЖУТИКОВ

По следам гоголевской «Шинели»

При чтении Гоголя стран-ные бьют мысли. Почему его мертвый по самым правильным доку-ментам, совсем мертвый Акакий Акакиевич снял с генерала (трепетавший перед титулярными) шинель? – И при этом самым хамским образом заявил: А шинель-то моя! (Совсем мертвый? – и наконец-то! – стратегически – живой? то есть, конечно, напрашивается – русский народ?) Может быть лишь отчасти. Акакий Башмачкин не русский народ, а его мечта. Мечта о правде, которой нет на свете.

Что думал и чувствовал глубоко мисти-ческий Николай Васильевич, когда писал эту простую по видимости вещь? Только ли защиту оскорбленных и униженных? Что он хотел сообщить нам? Только ли свое страшное предвидение, которого, конечно же, боялся сам? Ведь это был исключительно (сравнительно только с Пушкиным) ответственный человек. Он отвечал за страну в ее глубочайшем и главном содержании – самом тишайшем, как жизнь старосветских помещиков, и самом буйном и бесстрашном, как жизнь Тараса Бульбенко, – то есть во всех ее крайностях и ее даже тайных смыслах. Он отвечал за нас.

Его душа, глубоко религиозная, конеч-но же, не была одержима преобразования-ми, которыми осяществлял нас идеоло-гии, для этого он был попросту умен. Там было что-то иное. Не месь Башмачкина за опоганенную, оплеванную, затоптан-ную жизнь. Не генерала он грабил. Там было иное. Что иное?

Грабитель ли Башмачкин по душе? Мститель ли он, революционер ли он,

реформатор ли по душе своей робкой, стеснительной, мечтательной? Нежной, страдательной, жертвенной по духу (а на русской бабе, говоря грубо, страна сто-ит. Не потому ли подняли ей пенсионный возраст – а то, что ж это, и Гитлер ее не добил?). Что в этой душе, пробудившей-ся лишь посмертно, было важное, что он хотел передать, только ли свой правед-ный пнеб, обернувшийся новой неправ-дой (ведь генерал не крал шинели)?

Что? Его автор болел и боялся за нас, его душа и мысль была за нас. Там не ли-нейный ум Белинских-Чернышевских. Там вечное содержание притчи – как и в небезызвестной книжечке. Он был слаб, как все люди, но возвышался в минуты до своего Бульбенко и до сво-его великого Павла Ивановича Чичико-ва, которого хоть и называл подлеем, но очень любил (одна только сцена умиывания с подпиранием щеки языком, бже милостивый).

Но Башмачкин, Акакий Акакиевич? Любезный почему-то – не только же серд-цу Щедрина? Иным – потому что ото-мстил (неважно, что не тому), иным – по симпатии к беззащитности, но ведь лю-безный? (Как великий Николай Трофи-мов.) Или нет?

Ну и, скажут, чего ты умничаешь? скажи просто: люблю Гоголя, мы все его любим, как и ты. И Трофимова любим. Жаль, что не сыграл Башмачкина. Не на-шлось режиссера. И Булгаков уже умер. А других сценаристов не было. Мы это и без тебя знаем.

Действительно, чему удивляться? Простой Трофимов... или, как его? Ака-кий Акакиевич... и фамилия-то преглу-пая: Башмачкин. Помер себе, да и все. Экая проблема. А генералов защитим, это у нас национальный приоритет.

Я умоляю.

Чтобы писать о тишине, необходимо научиться её слушать и хотя бы раз "упасть в мох вместе со снегом". При-знаюсь, мне в этом повезло, поскольку так много приходилось о ней писать, что в какой-то момент стало понятно: я не только умею слушать тишину, но и хорошо различаю её оттенки.

Это непростое, но к настоящему мо-менту у меня получается различать десять тональных неслышимого, условно разделяя их на внутренние и внешние: каждых – по пять.

Начну, пожалуй, с первой тишины из внешних. Будет не совсем верно назвать её грубой, а потому будем считать её просто основной, той, после которой каждая последующая бу-дет становиться немного тише...

Итак, первая, знакомая каждому из нас, – это тишина, возникающая после чего-то неожиданного, будь то крик, выстрел или раскат грома, ко-гда вы сначала вздрагиваете, а потом замираете в ожидании чего-то, что должно, по вашему же ощущениям, по-следовать далее. Но чаще всего ни-чего не происходит, за исключением того, что в этот момент вы и слышите ту самую – первую тишину.

Тишина вторая связана со сном, но не с вашим, а когда спит кто-то дру-гой, и вам приходится и тихо ходить, и говорить тихо-тихо – шёпотом. Это напряженная и весьма непростая ти-шина, требующая навыка не спугнуть её, точнее, не нарушить.

Следующая тишина, третья, связа-на с прислушиванием, причем таким, когда вы почти не дышите, но слегка приоткрываете рот и вслушиваетесь: в этот момент ваши настоящие уши у вас же на макушке. Обычно такая тишина встречает тебя в путеше-ствиях, когда ты идешь по лесу, лесом или вдоль реки за сотни и сотни киломе-тров до ближайшего селения. А еще это утренняя тишина, а потому спро-сите грибников и рыбаков – эти точно её знают, и многое о ней вам поведают.

Далее идет тишина четвертая, и она особенная, потому как связана исклю-чительно с тиканьем часов. В доме обя-

зательно должны быть часы, которые тикают. Эта тишина говорит на языке времени, и его надо изучать и знать каждому из нас. И время мне откры-лось именно благодаря этой тишине, говорящий тиканьем. С того момента я научился им дорожить и многое успе-вать, делая всё, что было отведено именно этим часом или днём. В моей жизни не бывает суеты, и в работе всё складывается удивительно хорошо: в этом мне помогает четвёртая тишина.

Терентий ТРАВНИК

Десять слов о тишине

Фрагмент из книги «Циркуляр»

И, наконец, последняя, пя-тая тишина из внешних, – это вечерняя или ночная закон-ная тишина, когда вы слу-шаете звуки затихающе-го внешнего мира, что располагаются за окнами вашего дома. Эта тишина не живёт за дверью, но только за окном. Иногда её можно увидеть, если подойти к окну и спокойно стоять и смотреть...

Я называю её остывающей, ибо она плавно переходит в шестую, точнее – в первую внутреннюю тишину, назы-ваемую мной прозрачной. В какой-то момент вы перестаете воспринимать внешнее и погружаетесь в себя. Вот тогда к вам и приходит самая туман-ная из всех тишин на свете. Вы слов-но бы ничего не слышите и не видите, а думаете о чем-то своем, но и это не так, поскольку о своем вы тоже не ду-маете, а просто замерли, и всё. Это изумительное состояние: зависание души, а вы при этом – с маловыраз-ительным каменным лицом и пустым, стеклянным взглядом. И было бы всё совсем хорошо, если бы при этом вам

не мешали ваши же мысли. Именно в шестой тишине они пока еще воро-шатся и толкуются, а потому это ти-шина прозаиков, драматургов и учёных. Туманная тишина пытается их скрыть, но это ей не по силам, и они нет-нет да и выскакивают наружу, точнее, уже в наш с вами ум.

Далее приходит седьмая или, как я её называю, тишина творческая, она тоже с мыслями, но эти мысли уже не те – они упорядоченные, а значит, спо-

собны созидать, способны к восприя-тию вдохновения. Вдохновение посе-щает нас на седьмом небе – в объятиях седьмой тишины. Это феноменальное пространство синестезии. Обычно в седьмой тишине душа слышит цвет и видит музыку. Седьмая тишина – это тишина художников и композиторов. Находиться в ней – означает раство-риться во времени и пространстве.

Если же набраться смелости и де-лать шаг дальше, то вас ждет вось-мая, пожалуй, самая неприятная ти-шина – звенящая в ушах. Это когда вы слышите собственное дыхание и то, как бьётся ваше сердце. От этой тишины закладывает уши и хочется от неё как можно быстрее избавиться. На этой тишине с нами разговаривает наша смерть.

И если вам удастся перейти этот ру-бикон и не потерять самообладание, то вы встретитесь с девятой тиши-ной – тишиной поэтического мировос-приятия и вдруг заговоривших намере-ний и предвкушений. Если хотите, то это те звуки, которые издают живущие в вас же слова. И когда слова зами-рают, то тем, кто умеет писать стихи, удается их зафиксировать на бумаге. Девятая – это очень и очень тонкая ти-шина. Она настолько тонка, что тому,

кто её слышит, не мешают никакие земные звуки, ибо она всепронико-венна. Когда-то в одном из стихотворе-ний я написал: «Тишина кругом такая, что неслышанья слышны». Так вот, эти самые неслышанья и есть шаги слов. В какой-то момент слова останавли-ваются и ведут себя так, словно их не было и больше не будет.

В этот момент появляется послед-няя, десятая тишина – безмолвие, дитя красноречия, великосимная тишина молчаливых, затворников и отшельников. Это подлинное бесси-лие слов перед величием молчания. Вы наконец-то перестаете мыслить и ощущаете себя так, будто действитель-но умерли. Даже поэзия вас не тревожит: вы где-то уже потеряли дар речи, и он вам больше не нужен. В этой тишине вы впервые встречае-тесь с собой подлинным, тем самым, каким вас создал Бог. Ваше слово отныне у Бога, а вы теперь только душа – чистое сознание. Это абсо-лютно базисная, если угодно, транс-цендентная тишина, которая облада-ет всепроникающим свойством, а потому присутствует во всех осталь-ных. Если хотите, то это духовный водород, желание, говорящее о соб-ственном отсутствии. Ощитив хотя бы один раз десятую тишину, вы бо-лее ни с чем её не спутаете. Это как любовь, но только настоящая, та са-мая, что всегда отличается от любой влюбленности и увлечения. Десятая тишина отвечает за наш покой, но не обыденный, а вечный: в этот момент мы находимся за горизонтом событий, познаваемых чувствами и прежним опытом. Мы входим в мир преображе-ния и слышим пение ангелов, где вся-кий неслышимый доселе их возглас все больше и больше приближает нас к чуду – к любви самого Бога. Это не-возможно описать или изобразить: в десятой тишине нет таких средств, но если хотите, то это и есть тот самый момент истины, возвращающий вас в богоподобное существование самым обычным напоминанием о себе и в этом – всё!

окружающих. Эмоция выплёскивается разом – и поэтому восприятие острее.

Чтобы не быть голословным – вот только один стихотворный отрывок:

...Без веры мир и пуст и сер,
И человек страшнее зверя.
Жизнь духа – это смена вер.
Во что ты веришь?
Низвергнув идолов, богов,
отринув карту Птолема,
ты, на чужое место семя,
себя поставил в Центр миров...

Машин – автор не простой, в том смысле, что не развлекательный. Его истории – в целом всег-да символика, имеющая двойное и тройное дно смысла, суть передаётся не непосредственно, а зашифровано. Чтобы понять творчество Маши-на, необходимо обладать достаточно солидным багажом знаний, иметь готовность вникать в та-инство духа и различение смыслов, размышлять над словом и символом, и не уставать поражаться обилию и глубине мыслей автора. И принимать его тактикой, какой он есть. Что я сделал, и вам желаю, отправляющимся в замечательное путешествие по разноплановому и разножанровому творчеству Ивана Машина.

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)